

языком Властителя. Властитель — это тот, кто, используя язык в качестве структуры, упорядочивает и, в конечном счете, унифицирует действительность. Язык как власть оказывается во владении Властителя, и язык становится властью Властителя. Следовательно, в мире нет ничего, кроме власти. Человек оказывается опутанным ассоциативно-вербальными сетями языка-власти безо всякой надежды вырваться из этого плена, ибо никакой альтернативы языку, безусловно, не существует. Имеется лишь замкнутый на себе автореферированный текст, и любая форма коммуникации изначально ущербна — это лишь разговор текста-власти с самим собой, несмотря на все иллюзии коммуникантов относительно полноценности своего общения.

Несмотря на известную туманность формулировок, Б.-А.Леви продемонстрировал попытку философскими, а не собственно лингвистическими средствами рассмотреть актуальные проблемы лингвистики от частных (коммуникативные сбои) до общих (лингвистика текста и состояние языка в современных культурных, социальных и политических условиях).

Е. А. Тихомирова

Белорусский государственный университет

МЕТАФОРЫ В ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОМ ТЕКСТЕ

Значительная часть современного политического дискурса на русском языке характеризуется «прокурорской позицией» — жесткостью оценок поведения противников, негативной экспрессивностью по отношению к тому, с чем автор выражает несогласие. Эксплицитная оценочность идеологизированного текста позволяет исследовать роль метафор, трансформирующих политическую задачу в текст.

Идеология предполагает существование ценностных оппозиций: демократия — власть номенклатуры (президента), права человека — их нарушение, коммунизм — антикоммунизм, патриотизм — предательство Родины... В оппозиции включаются и названия политических объектов, которые, как отметила А. Вежбицкая, являются важными инструментами пропаганды. Так, Г. Явлинский отверг попытку расшифровки «Явлинского БЛОК», объяснил вынужденность неидеологизированной номинации невозможностью из самоуважения политического названия в то время, когда партия В. Жириновского именуется себя либерально-демократической.

В тексте ценностные оппозиции могут выражаться биноминативными и метафорическими конструкциями, напр.: *Правовое государство — это государство, в котором не только приняты за-*

коны, защищающие права человека, но и сформулированы механизмы их соблюдения (Е. Боннер); *Мать-Россия*; народы — младшие братья; эпоха развитого постмодернизма и т. д. Метафора направляет развитие текста, призванного эмоционально дискредитировать противника и успокоить читателя относительно позиции автора, напр.: *...нобелевский тракторист, политический Чикаго сумел изнасиловать великую страну; мы никого не насилуем, мы только соблазняем* (В. Жириновский).

Метафоры часто возникают благодаря цитированию элементов наиболее употребляемых оппонентом выражений, напр.: *Михаил Сергеевич, сумевший так «начать», а затем «углубить», что мать-Россия до сих пор лежит ничком* (В. Жириновский). Цитирование концептуальных метафор используется не только для унижения, но и в целях пародирования: *И началось — «общечеловеческие ценности», «общеевропейский дом»...* (В. Жириновский).

Определяя разворачивание текста, концептуальная метафора может быть контрарнацией двух или более широко известных высказываний. Например, «Крах четвертого Интернационала» В. Жириновского начинается аллюзией на фразеологизм и известный со школы читателям среднего и старшего поколений лозунг К. Маркса и Ф. Энгельса: «Уже полвека над миром бродит идея международной», и далее автор «насыщает» текст цитатами-метафорами из языка номенклатуры эпохи застоя: *прийти к власти, взять курс, Кормчий, помощь пошла, ожило коммунистическое движение, поплыть по течению, выйти из коминтерновской шинели, мир уходит от...* Значение этих клише снижается с помощью метафор разговорной или просторечной стилистической окраски: *бредовая идея, выпрыгнуть из штанов, не бросился латать трещины, Россия должна бегать мирить*. Позиция своей партии также выражается глаголами движения, но в контексте с ослабленной метафоричностью: *Мы уйдем отовсюду — они сами придут к нам, вернее приползут...*

Концептуальный милитаризм странным образом сближает дискурсы представителей партий с различной политической ориентацией. Сопоставим тексты статей В. Жириновского в книге «Последний вагон на север» и К. Шевченко в прокоммунистической «Центральной газете» г. Минска. В. Жириновский именует демократов чудовищами, сатанистами, ведьмами, жабами, иродами, и эти номинации коррелируют с кровожадными идолами и шабашами националистических сект, по К. Шевченко. В негативном метафорическом контексте возрастает роль имени собственного. В. Жириновский унижает противника употреблением уменьшительной формы имени (вслед за Иваном Грозным): *Андрейка, Гаврила, а*

К. Шевченко использует памятный с застойных времен прием написания имени со строчной буквы во мн. ч.: *сергеи ковалевы и елены боннер*. Имя и отчество без фамилии функционируют в текстах обоих авторов в резко отрицательных контекстах.

Адресатами, потребителями своих речевых произведений оба автора мыслят людей среднего и старшего возраста, поэтому они широко используют традиционные метафоры-«советизмы», употребляя их и в серьезных, и в иронических контекстах, чтобы добиться от читателя прежде всего эмоционального принятия своей позиции. Набор риторических приемов, используемых В. Жириновским, разнообразнее, метафорические контексты в его статьях выполняют больше функций, чем у К. Шевченко. Это обеспечивает В. Жириновскому более широкий круг читателей.

Э. В. Чепкина

Уральский государственный университет

ИМИДЖ ЖУРНАЛИСТА В КОНФЛИКТНОЙ СТРАТЕГИИ БЕСЕДЫ

На материале газетных и телевизионных интервью мы рассматриваем приемы построения журналистского текста при реализации конфликтной стратегии общения, которая широко практикуется в современных российских СМИ, реализуясь в нескольких вариантах.

Во-первых, это может быть беседа с должностным лицом на актуальную тему, когда журналист задает неудобные, неприятные для интервьюируемого вопросы из желания, например, предать гласности нелицеприятные стороны деятельности его ведомства. В данном случае нарушается этическая норма тактического и деликатного общения, но журналист рискует репутацией воспитанного человека во имя истины, которую имеет право знать его аудитория. Тактичность более важная в ситуации межличностного общения, здесь отступает на второй план ради более значимых в социальном плане ценностей.

Довольно часто журналисты демонстрируют и конфликтную манеру общения ради репрезентации себя как смелого человека, не боящегося острых ситуаций. Здесь обычны случаи неоправданной неделикатности, попытки «читать в душе» собеседника и навязывать ему заранее придуманный план разговора. «Я лучше вас знаю, что вы об этом думаете» — такова глубинная семантика отношения журналиста к интервьюируемому.

Третий вариант конфликтного общения представляют собой скандальные ситуации, когда цель журналиста — эпатировать публику. В этом случае он задает собеседнику вопросы, касающиеся личной